

Вирус родной крови

Михаил
Самарский

2018 г.

Михаил Самарский

**Вирус родной крови
(формула предательства)**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Самарский М. А.

Вирус родной крови (формула предательства) /
М. А. Самарский — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Совершенно неожиданно и непонятным образом среди белого дня со строительной площадки исчезает вице-мэр, приехавший с инспекцией на строительный объект города. К расследованию подключается опытная группа из Мура. Постепенно выясняется, что вице-мэр имел свой полулегальный бизнес (приторговывал антиквариатом). Жена узнаёт, что у него есть любовница и что тот собирается с ней создать другую семью. Они с сыном затевают операцию по изъятию денег у мужа и отца – порядка 20 млн евро. Сын подключает преступную группировку...

Михаил Самарский

Вирус родной крови

повесть

*Предатели предают прежде всего себя самих.
(Плутарх)*

От автора

Самое печальное в этой повести то, что в её основу легли реальные события. Разумеется, как принято в таких случаях говорить, фамилии изменены, временные рамки кое-где сдвинуты, что никоим образом не меняет ни смысла, ни внутреннего напряжения описываемых событий.

Я нарочно взял слово в начале повествования, чтобы поделиться с читателем своим волнением и, если хотите, душевной болью. Признаюсь, в процессе работы над книгой я несколько раз хотел отказаться от её завершения. Ну, не могу я спокойно говорить о том, как некоторые разумные существа безрассудно, коварно, подчас жестоко предают своих родных и близких людей. Это противоречит здравому смыслу, многовековым человеческим традициям, высоким нравственным принципам. Когда сталкиваешься с подобным явлением, чувствуешь, как тебя берёт оторопь, как всё твоё нутро протестует против античеловечных поступков, как разбивается сердце о бессовестное слепое корыстолюбие, запредельное алчное равнодушие и всепоглощающую грязную беспринципность.

И всё-таки я решился довести свою работу до конца, поскольку считаю, что знание и осмысливание таких историй, видение беспросветной пропасти может предостеречь человека от необдуманных поступков, от проступков, которые никакими действиями уже не изменить.

Буду несказанно рад, если моя повесть окажется не вирусом а, наоборот, антивирусной вакциной против предательства и измены. Удачи вам, друзья!

Михаил Самарский

1

В 09:45 кортеж заместителя мэра подъехал к строящемуся объекту. Фёдор Степанович Брызгалов не торопился выходить из «Мерседеса», он долго ещё говорил по телефону, активно жестикулируя руками. Со стороны не трудно было догадаться, что чиновник что-то кому-то доказывает, но невидимый собеседник его не понимает. В конце концов, Брызгалов отключил телефон и выбрался из машины. Небрежно протянув мобильник помощнику, он процедил сквозь зубы:

– Ваня, я занят. Для всех! – А после непродолжительной паузы добавил: – Естественно, кроме шефа.

Помощник вице-мэра, Иван Захарович Бурцев, худой, небольшого роста, с разлапистым коричнево-малинового цвета родимым пятном на правой щеке, молча кивнул и спрятав телефон во внутреннем кармане своего пиджака. Брызгалов явно был не в духе. Обычно, инспектируя тот или иной объект, он сыпал направо и налево шутками, иногда настолько

скабрзными, что присутствующие женщины краснели и неумело делали вид, якобы не слышали очередную вульгарность высокого гостя.

– Ну, господа строители, – потирая руки и глядя поверх голов встречающих, несколько наигранно и нарочито громко сказал Брызгалов, – показывайте, что вы тут понастроили.

– Осторожно, Фёдор Степанович, здесь небезопасно, – один из сопровождающих, Сергей Фёдорович Смагин, попытался взять чиновника под локоть, но гость, нахмурившись, резко отстранил его руку.

– Что ты меня, как барышню, под руку хватаешь, – зашипел Брызгалов. – Давайте сразу к делу. С чего начнём?

– Извините, – Смагин густо покраснел и смущённо произнёс: – я просто хотел помочь. Да-да, конечно, проходите вот сюда, Фёдор Степанович. Давайте сразу... Если не возражаете, осмотрим главный зал, а потом мы вам покажем все служебные и подсобные помещения. Проходите, пожалуйста...

Брызгалов, мужчина на вид слегка за пятьдесят, небольшого роста, но зримо крепкий, уверенной походкой направился к входной двери. Густые брови его даже во время улыбки казались нахмуренными, отчего подчинённые не сразу улавливали настроение начальника. Наверное, потому все сопровождающие шли молча, изредка переглядываясь.

Войдя вовнутрь помещения (это был будущий весьма просторный спортивный зал) Брызгалов тихо спросил у ответственного за стройку Кулика:

– Владислав Анатольевич! А где тут у вас туалет?

– Там, Фёдор Степанович, – сопровождающий указал рукой, – по лестнице вверх.

– Прошу прощения, товарищи, я сейчас подойду, – сказал Брызгалов и направился к лестнице-временке. Пружинистыми движениями он поднялся наверх и исчез за углом.

Прошло десять минут, присутствующие стали переглядываться и пожимать плечами. Прошло двадцать минут, прозвучал первый анекдот. Кто-то, ухмыльнувшись, произнёс: «Всяко бывает...». Но высокопоставленный чиновник не возвратился и по истечении получаса. Владислав Анатольевич Кулик, ответственный за показ объекта, заподозрив что-то неладное, поднялся наверх. В самом начале коридора, стоя на коленях, что-то мастерил сантехник Капков.

– Алексей, – обратился к нему Кулик, – ты не видел, Фёдор Степанович выходил из туалета?

– Это ещё кто какой? – удивился сантехник. – Лысый, в белой рубашке и галстук?

– Да, – закивал Владислав Анатольевич и раздражённо спросил: – Ты что, Лёша, Брызгалова не знаешь, что ли?

– А что я с ним, каждый день встречаюсь, – хмыкнул сантехник, – давно уж вышел. Туда пошёл, – Капков махнул рукой в противоположную сторону коридора.

– Как это? – Кулик побледнел. – Как туда? Он же должен был спуститься к нам в спортзал. Куда он пошёл?

– Ну, ты, начальник, даёшь, – сантехник Капков привстал с колен и развёл руками, – ты у меня спрашиваешь? Откуда же я знаю. Он мне что, докладывал?

Кулик заглянул на всякий случай в туалет и, убедившись, что тот пуст, рванул по коридору ко второму выходу. Брызгалова нигде не было. В конце коридора женщина красила окно.

– Мужчину в галстук не видела? – почему-то хриплым голосом спросил Кулик.

– Пошёл туда, – женщина махнула рукой в сторону выхода.

– На улицу? – переспросил строитель.

– Наверное, – пожала плечами женщина. – А куда же ещё можно выйти через ту дверь, Владислав Анатольевич?

– Куда-куда... Что ты умничаешь? – заорал Кулик. – Тебя спрашивают, отвечай...

– Хорошо, извините, – виновато произнесла женщина и опустила глаза.

В течение получаса пропавшего чиновника искали собственными силами, но убедившись, что все усилия тщетны, в конце концов, вызвали полицию. Фёдор Степанович исчез бесследно. В растерянности оказались все – и помощники чиновника, и строители, и милиционеры. Брызгалов словно сквозь землю провалился.

2

Прибывшие на место происшествия сыщики оказались в весьма затруднительном положении. Складывалось такое впечатление, что вице-мэр на стройке и вовсе не появлялся. Ни одной зацепки, кроме его личного автомобиля и показаний свидетелей. Фёдор Степанович не пользовался служебным автомобилем, передвигался исключительно на личном авто.

«Не может человек, да ещё такого ранга, бесследно исчезнуть среди бела дня в присутствии такого количества людей, – мысленно рассуждала капитан полиции Рюмина Оксана Владимировна. – Но с другой стороны, чиновник исчез. У меня такое впервые в практике. Странно всё это, не могут же все присутствующие врать и сочинять всякие небылицы. Ясное дело, что Брызгалов здесь был, но... как и куда он мог исчезнуть. Вон и камеры здесь имеются. Ладно, приступаем к работе!».

Свидетель Марина Павловна Тосина показала, что Брызгалов прошёл мимо неё и, по всей видимости, через открытый склад стройматериалов вышел на улицу. Не зная, кто это такой, Тосина сделала замечание мужчине, когда тот швырнул на пол окурок.

– Что он Вам ответил? – спросила капитан полиции Рюмина.

– Да я даже не поняла, – пожалала плечами Тосина, – так, что-то буркнул, по-моему, извинился и пошёл дальше.

– Он был один? – уточнила Оксана Владимировна.

– Да, – кивнула Тосина.

– А чем вы занимались в коридоре? – Рюмина пристально посмотрела на женщину-свидетеля, чем чрезвычайно её напугала.

Тосина вздрогнула и побледнела. Она вся сжалась и почти шёпотом спросила:

– Что вы имеете в виду? Я же... я же... там работала... я красила окно... Вы что, меня в чём-то подозреваете?

– Да не пугайтесь вы так, Марина Павловна, – рассмеялась Рюмина, – я ничего плохого не имела в виду. Успокойтесь...

– Вы так посмотрели на меня, словно это я вашего мэра...

– Вице-мэра, – поправила Рюмина.

– Ну да, ну да... Ой, да мне как сказали, что за человек-то был, у меня аж сердце чуть не остановилось. Думаю, вот дура, нашла, кому замечание делать. И кто тебя за язык-то тянул. Ну, подумаешь, бросил человек окурок, всё равно ещё порядок наводить сто раз придётся. Нет же, надо было влезть, сделать замечание. Но вы понимаете, бригадир нас ругает за окурки, говорит, мол, техника безопасности и всё такое...

– Всё вы правильно сделали, Марина Павловна, не волнуйтесь так. Какая разница, какую человек занимает должность, порядок должны соблюдать все.

– Всё равно страшно, Оксана Владимировна, – наконец-то улыбнулась Тосина. – Это ж надо, такой большой начальник, а я-то привыкла, что большие начальники сами не ходят. Вокруг них вечно, как в гастрономе, толпа народу. А тут смотрю, мужичок какой-то странный летит по коридору, да ещё и «бычок» на пол швыряет, ну я и решила голос подать. Мол, говорю, ты чего это тут мусоришь? Вот дура... надо же...

– Хорошо, Марина Павловна, – Рюмина закончила опрос свидетеля, – подпишите, пожалуйста, здесь и здесь.

По дороге в отдел, Оксана Владимировна напряжённо работала над версиями случившегося.

«Ну, допустим, – думала она, – его похитили. Неужели он не оказал никакого сопротивления и даже не подал голоса? Почему он пошёл на другой конец коридора? Почему Тосина ничего не слышала? А вдруг слышала, да боится сказать. Её могли запугать? Просто потребовать: никому ни слова, ты ничего не видела, и не слышала, ляпнешь, убьём. И всё – будет молчать как рыба. Надо было подольше с ней пообщаться. Завтра нужно вызвать её к себе, в отделе они бывают поразговорчивее...».

Рюмина Оксана Владимировна попала в уголовный розыск случайно. Окончив юридический факультет университета, затем получив второе высшее образование психолога, она в будущем планировала заняться адвокатской деятельностью. С самого детства девушка увлеклась восточными единоборствами, участвовала в соревнованиях разного уровня. Тренер Оксаны отмечал невероятное упорство и трудолюбие юной девочки. Эти качества не заставили себя долго ждать, и уже благодаря достаточному количеству побед в соревнованиях серьёзного уровня, Рюмина уже в четырнадцать лет заслужила звание Кандидата в мастера спорта.

Но, несмотря на определённые успехи в спорте, Оксана решила всё же делать карьеру адвоката.

Вечный вопрос адвокатуры «можно защищать преступника, в смысле, как это сочетается с нравственностью?» не только не смущал Рюмину, но, напротив, вселял в её планы и размышления здоровый азарт. Знатки этой профессии говорили: конечно, адвокат ходит по грани, его профессия часто с точки зрения социума – безнравственна, а сам он зачастую вынужден предпринимать какие-то действия, не совсем позитивно воспринимаемые обществом. Рюмина считала, как и в любой другой профессии, всё зависит от человека: и защищая преступника, можно оставаться порядочным человеком. Адвокат стоит на страже соблюдения законов. И не всегда цель защитника – оправдательный приговор. Зачастую главная задача – это не уйти под воздействием эмоций в мир беззакония и необоснованных предположений. Да, человек совершил преступление, и, разумеется, он должен понести наказание. Но при этом наказание должно быть именно за то, что этот товарищ совершил. Люди любят на провинившегося человека повесить всех собак. Ага, раз он попался на краже ведра у соседа, значит, это он в прошлый раз похитил с приусадебного участка лопату, вилы, грабли и, вообще, весь огородный инвентарь.

И вот тут адвокат говорит: «Стойте, дорогие друзья! Мой подзащитный признался, что ведёрко он стащил, а всё остальное, извините, ищите в другом месте, мы тут не виноваты!». Что ж тут безнравственного? Нельзя закон защищать с помощью беззакония. Нельзя человеку предъявлять обвинения в том, чего он не совершал, и уж тем более судить его за это и наказывать. Наказывать невиновного человека – это всё равно, что способствовать распространению преступности. Сегодня судья, не разобравшись, посадил за решётку невиновного человека, а завтра тот же человек скажет, а зачем мне соблюдать закон, если меня всё равно объявили уголовником и отправили в тюрьму.

Оксана Рюмина была убеждена, что адвокат – это благородная и нужная обществу профессия, а нравственность, мораль, порядочность они в сердце, если они в тебе, ты этих качеств никогда не потеряешь.

Но один случай в жизни Оксаны изменил все её планы. Она ждала дома подругу, с которой они вместе учились в университете. Вечером девушки собирались пойти в ночной клуб. Неожиданно под окнами раздался крик, Оксана выскочила на балкон и увидела, как двое здоровенных парней повалили на землю её подругу и пытаются отобрать у неё сумку. Та вцепилась в неё мёртвой хваткой. В конце концов, один из нападавших, сообразив, что сумку

из рук девушки он вырвать не сможет, выхватил нож... Рюмина, едва не потеряла сознание, она думала, что тот ударит её подругу ножом, но мужчина просто перерезал ручку и, завладев сумкой бросился наутёк. Оксана, недолго думая, спустилась в низ и начала преследовать грабителей. Те, видя, что за ними гонится молодая девчонка, усмехнулись и даже замедлили ход.

– Ну, чего тебе, дурочка? – спросил один. – Приключений захотелось?

– Верните сумку немедленно, потребовала Рюмина.

Преступники рассмеялись.

– А ты отбери, – предложил второй.

– Угу, – закивал первый. – Точно, сумка нужна, отбери. – Он стал вытряхивать из неё содержимое, ища деньги и драгоценности.

– Ребята, вы сами предложили, – хладнокровно улыбнулась Оксана и нанесла ногой удар в челюсть «потрошителю». Тот ойкнул и присел, схватившись за подбородок. Второй вытаращил глаза и медленно полез в карман за ножом, но не успел – через мгновение он лежал рядом со своим подельником, пытавшимся приподняться на ноги. Рюмина нанесла «потрошителю» сумки второй удар, и до приезда милиции оба грабителя так и не смогли подняться с земли. Приехавший наряд долго не мог поверить, что девушке никто не помогал.

– С вами кто-то ещё был? – удивлённо спрашивал лейтенант.

– Да нет, – смущённо пожимала плечами девушка.

Весть о случившемся вскоре облетела весь город, все удивлялись, как хрупкая девчонка смогла задержать двух бандитов, да ещё и обездвигить их.

А вся эта история закончилась тем, что Рюмина передумала строить карьеру адвоката и поступила на службу в уголовный розыск.

3

Вечером в своём кабинете доклад начал майор полиции Александр Прохорович Спектор, начальник спецотделения при особой оперативно-розыскной части управления уголовного розыска ГУВД Москвы.

– Итак, товарищи офицеры, на этот час известно только одно: заместитель мэра Фёдор Степанович Брызгалов при посещении строительного объекта «Спартакиада» поднялся на второй этаж в туалет, затем, покинув его, не вернулся вниз, а прошёл по коридору в противоположную сторону, вышел из здания на улицу и... исчез.

– А что на видео? – спросил присутствовавший на совещании начальник особой оперативно-розыскной части полковник Макаров. – Просмотрели записи?

– Пусто, Олег Денисович, – вступил в разговор старший лейтенант Самохин. – Перед самым прибытием Брызгалова на объект, кто-то обесточил все видеокамеры. Записи есть только до девяти утра. Да и то, они направлены на въезд, и на бытовки. Если предположить, что Брызгалов ушёл с объекта через открытый склад, то мы бы его всё равно не увидели.

– А почему ты, Константин, думаешь, что он ушёл через открытый склад? – спросил полковник.

– Потому что через проходную он не проходил. Там же охранник сидит. Он пояснил, что никуда не отлучался, и что мимо него и муха не пролетела бы...

– С каких это пор ты, Костя, так беззаветно стал верить охранникам? – съязвил начальник ООРЧ и опустил мощный кулак на стол. – Все они так говорят... Какая-то мистика. Этого нам ещё не хватало. Начальника Управления лично вызывал Министр внутренних дел, а министр уже и у президента вместе с мэром побывал. Да и чему удивляться? Такого ранга чиновник пропал среди бела дня на глазах тридцати человек... Сколько их там было?

– Всего двадцать семь человек, – доложила Рюмина и добавила: – вместе с рабочими и охранниками.

– Ни фиги себе, – покачала головой Мария Шахова, самая младшая сотрудница спецотделения.

– Вот вам и «ни фиги»! – тяжело вздохнул Макаров и закурил. – В общем, Александр Прохорович, чувствует моё сердце, придётся нам тут попыхтеть. Кстати, окурок проверили? Точно его?

– Так точно, Олег Денисович, – ответила лейтенант Шахова. – Экспертиза подтвердила.

– И что, больше никто Брызгалова не видел? – недоумевал Макаров. – Как такое может быть?

– Олег Денисович, так все же были внутри здания, – ответила старший оперуполномоченный капитан Рюмина, – ждали, когда Брызгалов вернётся из туалета.

– Сколько он там пробыл? – спросил Макаров. – В туалете...

– Сантехник Капков, показал, что не более двух-трёх минут.

– А эта малярша, как её там?

– Тосина, – улыбнулась Рюмина, – она не видела, когда он входил в туалет, она же находилась в другом конце коридора, красила окно. Увидела Брызгалова, когда тот уже мимо неё проходил и бросил окурок на пол...

– Родственников уже опросили? – спросил полковник.

– Работаем, – уклончиво ответил Спектор.

Макаров поднялся и молча стал прохаживаться по кабинету.

– Больше всего мне не нравится, что камеры отключили перед приездом Брызгалова, – сказал он. – Значит, это сделал кто-то из присутствовавших на стройке. Верно?

– А может, – замялась Шахова, но так и не нашлась, что сказать в продолжение.

– Никаких «может», Мария. Если бы там появился перед этим какой-то другой или чужой человек, это сразу бросилось бы в глаза. Костя, – полковник обратился к Самохину, – каким образом были обесточены камеры?

– Вы не поверите, товарищ полковник, – помотал головой Самохин, – самым варварским образом: просто кабель перед входом в здание был перерублен топором. Кстати, у того входа, через который Брызгалов вышел.

Макаров задумался, но через полминуты продолжил свои размышления:

– Варварским, говоришь. И где же тот топор? Нашли?

– Так точно! – ответил Константин. – Его и не пытались спрятать, валялся у входа. Отпечатков нет, вход или, если угодно, выход, из будки для охранников не просматривается.

– Так-так-так, – Макаров щёлкнул пальцами. – Оксана, ты говоришь, малярша красила окно в конце коридора?

– Именно так! – подтвердила Рюмина.

– Значит, она должна была видеть, кто входит с её стороны в помещение, кто выходит, верно?

– По идее, да, – согласилась Рюмина.

– Следовательно, – развёл руками Макаров, – она могла видеть и этого... долбанного «дровосека». Не нравится мне всё это. Я не могу поверить в то, что никто ничего не видел. Какая-то там мафия на этой стройке засела. Нужно потрясти их основательно. Давайте, ребята, я чувствую, что-то тут не так. Любая овечка может оказаться диким волком.

– А домашних волков и не бывает, – вставила Шахова.

– Не умничай, Маша, – буркнул полковник. – Бывают и домашние, впрочем, в лес они всё равно поглядывают. Хорошо, – Макаров направился к двери. – О новой информации докладывать мне немедленно... – сказал он и, обернувшись у выхода, добавил: – круглосуточно. Ясно?

- Так точно, товарищ полковник, – ответил Спектор.
- Не подведите, товарищи сыщики...
- Не подведём, – уверенно ответил Спектор, но полковник уже был за дверью.

4

В городе случился самый настоящий переполох. В поисках вице-мэра участвовали все силовые структуры, волонтеры, просто неравнодушные граждане. А кое-кто надеялся и подзаработать, поскольку за информацию о нахождении чиновника объявили солидное вознаграждение.

Брызгалов Фёдор Степанович работал в мэрии уже давно, горожане его уважали за крутой нрав и за умение держать слово. Кроме того, Брызгалова считали чиновником, не берущего мзду. А всё из-за одного нашумевшего репортажа, когда вице-мэр при попытке вручить ему взятку, вызвал полицию. Фёдор Степанович, услышав предложение, вышел из кабинета якобы по каким-то своим делам, и позвонил знакомому сотруднику ГУВД. Вернувшись в кабинет, сделал вид, что он не против вознаграждения, но сначала, дескать, нужно обговорить детали сделки. «Обсуждали» до тех пор, пока в кабинет не вошли сотрудники полиции вместе с представителями городского телевидения.

– Ну, что, товарищ Агапов, – громко рассмеявшись, произнёс Брызгалов, – выкладывайте свою взятку на стол, пусть наши доблестные правоохранители посчитают сумму и отправят деньги в бюджет города.

Взяткодатель побледнел и едва не свалился в обморок.

– Это провокация! – опомнившись, закричал он, это клевета. – Я ничего не предлагал. Это оговор. Я буду жаловаться прокурору!

Фёдор Степанович под камеры вынул из кармана свой смартфон и включил аудиозапись, где был записан весь разговор – и обсуждаемая сумма, и предполагаемые услуги чиновника, и даже предложение, помимо суммы взятки, войти в долю «бизнеса» на два-три процента. Посетитель понял, что отпираться бесполезно, начал говорить какие-то совершенно несуразные глупости о том, что он, мол, хотел проверить, уровень коррупции в мэрии и собирался о результатах проверки тут же доложить в полицию. Самодеятельного «проверяющего» задержали и препроводили на Петровку.

Вечером репортаж показали по местному телевидению, а через несколько дней новость прошла в специализированной передаче и по федеральному каналу. Несмотря на определённый скепсис среди некоторых телезрителей (поговаривали, что это нарочная постановка и судьба задержанного неизвестна), всё же за Брызгаловым закрепилась репутация честного и принципиального чиновника.

Среди своих друзей, знакомых, коллег, если заходил разговор о коррупции и о том, что все чиновники взяточники воры, Фёдор Степанович говорил:

– Помилуйте, друзья! Сегодня при таких зарплатах в мэрии просто стыдно брать взятки и красть. Ну, в конце концов, это просто наглость. И напрасно недобросовестные граждане обвиняют скопом всех чиновников в коррупции. Поверьте, это далеко не так. Я знаю много честных и добросовестных товарищей, работающих по совести, причём у каждого из них ненормированный рабочий день. Кое-кто просто не может понять, что есть чиновники, работающие не ради корысти, не ради того, чтобы нахапать, а именно на благо России. А те, кто голословно обвиняет всех и вся, видимо, рассуждают в меру своей распушенности и своего понимания этих непростых вопросов.

Помощник Фёдора Степановича Брызгалова не раз просил его эту тему не поднимать и не обсуждать, ибо выглядело это всегда как оправдание. Но шеф ничего не мог с собой поделать и каждый раз заводился чуть ли не на ровном месте.

– Не могу я, Ваня, слышать необоснованные обвинения, – пылко отвечал он, – ну, не могу. Кроме того, если мы будем молчать, окружающие будут думать, что так оно и есть: все чиновники казнокрады.

– А вы думаете, вы их переубедите, если будете им рассказывать о справедливости и честности? – с некоторой долей ехидности спрашивал Иван Захарович.

– Ну, по крайней мере, я не промолчал, а высказал своё мнение. И впредь молчать не собираюсь.

Этот случай вспомнился потому, что Брызгалову пришлось после него ещё раз обращаться в полицию, но уже по другому поводу. Однажды на одной из строек, к нему подошёл небритый человек с низко надвинутой на лоб спортивной шапке, и сказал:

– Ты думаешь, тебе сойдёт с рук твоя подлость? Ты мне всю жизнь испортил. Живи теперь, сука, и всю жизнь оглядывайся.

Фёдор Степанович долго думал, размышлял и пришёл к выводу, что угрожавший был тем самым давним взяточдателем Агаповым, хотя точно сказать сам Брызгалов так и не смог. Сотрудники полиции предупредили чиновника о том, чтобы тот проявлял бдительность и соблюдал меры предосторожности. Первое время Брызгалов ловил себя на мысли о том, что он действительно ходит и с опаской оглядывается, но через некоторое время случай тот благополучно забылся.

5

– Что удалось выяснить, – первым делом спросил на следующий день собравшихся сыщиков Спектор и, кивнув в сторону Рюминой, добавил: – Оксана Владимировна, начинай ты.

– Мобильник Брызгалова остался у помощника, мы поставили его на «прослушку», родственникам никто не звонил, никаких требований не выдвигал. Вдова..., – тьфу ты, чертыхнулась Рюмина, – господи, прости, что скажешь, извините, оговорилась... в смысле, жена Брызгалова Елизавета Фотеевна, находится в больнице... Сердце... Она когда узнала, что муж пропал, сразу слегла... Но я с ней успела вкратце побеседовать. Она показала, что Фёдор Степанович в последнее время был какой-то нервный. С работы возвращался молчаливым и хмурым.

– С кем они живут? – спросил Спектор.

– С ними живёт сын, Брызгалов Андрей Фёдорович, двадцать семь лет и домработница Вера, Вера Михайловна Кружилина, тридцать три года. Как мне показалось, Александр Прохорович, эта Вера в доме Брызгаловых исполняет роль не только домработницы...

– Что ты имеешь в виду? – вздёрнул брови Спектор.

– Я думаю, что она была..., – Рюмина прочистила горло, – то есть является... Ну, в общем...

– Ты хочешь сказать, что она любовница Брызгалова? – подсказал Спектор.

– Да, – смущённо кивнула Рюмина, – именно так.

– Давно у них работает?

– Второй год.

– Откуда она? – спросил Спектор.

– Из Подмосковья, Клин. Раньше работала медсестрой. После развода с мужем решила сменить профессию.

– Понятно. Оксана, скажи, ты ведь оговорилась не случайно? – спросил Спектор. – Почему ты назвала Елизавету Фотеевну вдовой.

– Хотела бы ошибиться, Александр Прохорович, – вздохнула Рюмина, – да сдаётся мне, что живым Фёдора Степановича мы уже не увидим.

– Это ещё почему? – удивлённо спросил Костя Самохин. – Шестое чувство?

– Может и так, – пожалала плечами Рюмина. – Я пока и сама не могу объяснить, но что-то мне не нравится во всей этой истории. Понимаете, коллеги, чиновники такого ранга не пропадают внезапно среди белого дня, чтобы потом неожиданно появиться живыми и невредимыми.

– Угу, – возразила Шахова, – а вспомни Рыбкина, кем он там был... По-моему, председателем Совбеза, что ли... Поди, рыба-то покрупнее была.

– Не равняй, – возразила Рюмина, – на момент пропажи, Рыбкин уже был никем. Там другая история, больше самореклама, чем пропажа. А здесь совсем другое. Его похитили, либо...

– Постойте, Оксана Владимировна, – Шахова подняла руку, и все рассмеялись, потому что это всем напомнило школьный жест во время урока. Но Мария, не обратив внимания на смех, продолжила: – Я не понимаю, почему все говорят о похищении? Кто его похищал? Он ведь сам ушёл со стройки...

– Маша, – перебил Самохин, – ну, не на вокзал же он пошёл бомжевать. Ушёл, правильно ты говоришь. Так ушёл, видимо, с кем-то встретиться, а возвратиться забыл. Поэтому совершенно очевидно, что его похитили.

– Или он сам себя похитил, – добавила Мария.

– Согласен, – кивнул Самохин, – может быть и сам себя похитил.

– Значит так, – Спектор вышел из-за стола и стал прохаживаться по кабинету, – товарищи, давайте рассмотрим основные версии. Первая: Брызгалова похитили с целью убить за какие-то, скажем так, неизвестные нам пока дела. Вторая версия: похищение с целью получения выкупа. Третья: Брызгалов инсценировал своё похищение. Есть ещё версии?

– Нельзя исключать, Александр Прохорович, и такую версию, как просто побег от всех, – предположил Самохин.

– Не понял, – удивился Спектор, – можно подробнее?

– То есть, не инсценировка похищения, а добровольный побег от всех. Такое бывает – устал человек и решил сбежать...

– Так куда же он со своим-то лицом убежит? – ухмыльнулась Мария. – Его же каждая собака знает в Москве. В монастырь, что ли уйдёт?

– Вполне возможно, – согласилась Рюмина. – А что? Отрастит бороду, и узнай его потом.

– Не верю я в такие метаморфозы, – хмыкнула Мария, – из вице-мэрского кресла, из «Мерседеса», уйти в монастырь? Бред...

– Ты, Маша, такими словами не разбрасывайся, – ответила Рюмина, – «бред»... Ты знаешь, что в девятнадцатом веке царь Александр Первый инсценировал свою смерть и ушёл в Сибирь, где и жил до смерти.

– Я читала, – сказала Шахова – да, Александр Первый, якобы не умер в Таганроге, а... но это, кстати, тоже одна из версий.

– Мария, Оксана, – Спектор достал сигарету, – давайте по существу. С царём-батюшкой потом, на досуге, разберёмся, сейчас давайте с «боярином» Брызгаловым решать. Что ещё у нас есть?

– Как всегда, пока ничего, – развела руками Рюмина.

– Самохин, Шахова, что у вас? – спросил Спектор.

– Я занимаюсь его компьютерами, – ответил Константин Самохин.

– А сколько их у него? – спросил Спектор.

– Четыре, – тяжело вздохнул Костя, – в кабинете, в квартире, в загородном доме и ещё ноутбук. Одних почтовых ящиков около тридцати.

– Хм, интересно, зачем ему так много? – удивлённо спросил Спектор.

– Фёдор Степанович был любителем посидеть в интернете, Александр Прохорович. Ох, не простой мужичок этот Брызгалов.

– А простых там в мэрии и не держат, – съязвила Шахова.

– Мария, не перебивай, – нахмурившись, строго сказал Спектор

– Извините, Александр Прохорович, вырвалось.

– У тебя вечно что-то вырывается! Костя, продолжай...

– Он любил побродить по сайтам знакомств, а там необходима регистрация, вот он для каждого нового сайта и заводил себе новый почтовый ящик. Иногда представлялся молодым мужчиной лет тридцати пяти – сорока, переписывался с девушками.

– А сколько ему лет?

– Пятьдесят семь.

– Темы общения?

– Да, в общем-то, ничего такого. Просто возраст убавлял.

– Никаких извращений? – спросил Спектор.

– Нет, – усмехнулся Самохин, – так, болтовня всякая. Но я, правда, не всё ещё проверил, хотя и так уже многое понятно.

– Оксана Владимировна, это по вашей части, – сказал Спектор. – Что это такое? Зачем человеку занижать свой возраст и переписываться с молодыми девушками?

– В этом нет ничего странного и тем более нового, – ответила Рюмина. – В настоящее время тысячи, сотни тысяч старичков, кстати, и старушек тоже, знакомятся в сети с молодыми людьми и представляются их сверстниками. Можно ли это назвать болезнью, я не знаю, но объяснить такое поведение можно без труда.

– Объясните, – предложил Спектор.

– Только не смейтесь, – улыбнулась Рюмина, – это обыкновенная тоска по молодости, юности. Своего рода виртуальный артистизм, если так можно выразиться. То есть, как актёр на сцене выдаёт себя за того или иного героя, так и здесь. Переписка в интернете она ведь ни к чему не обязывает, в любое время выключил компьютер и потерялся. Но зато, когда пожилой человек получает по электронной почте письмо от молодой девушки, которая, к примеру, пишет: «Здравствуй мой милый друг! Мой доблестный рыцарь! Я хочу, чтобы ты крепко обнял меня и прижал к себе так, что...»

– Достаточно, Оксана Владимировна, – остановил коллегу Спектор, – а то мы тут скоро всем отделением любовные романы начнём писать. Так, Константин, у тебя ещё что-то есть?

– Да, есть. Фёдор Степанович вёл что-то личного дневника...

– О! Это уже интересно, – вздёрнул брови Спектор, – есть что-нибудь стоящее?

– Правда, это не совсем дневник, – поправил Самохин, – скорее его мысли рассуждения. Могу кое-что что зачитать?

– Давай, – кивнул Спектор.

– Вот: «Нужно всегда добиваться, чтобы твой начальник чувствовал себя комфортно. Конечно, нужно угождать, производить впечатление, но нельзя заходить с этим далеко. Демонстрируя свой талант, можно получить обратный результат и вселить в начальника страх и неуверенность. Лучше пусть в глазах окружающих он будет более умным и блистательным, чем есть на самом деле. Только так можно достичь карьерного роста...»

– Любопытно, – ухмыльнулся Спектор. – Только мне кажется, что я уже где-то это читал.

– Понял, Костя? – вставила Шахова. – Если мы будем слишком талантливо раскрывать преступления, не видать нам с тобой майорского звания. Правильно я говорю, Оксана Владимировна? – подмигнула Мария.

– Ох, Маша, – покачала головой Рюмина, – ну и язва же ты!

– А если вы, товарищ лейтенант, будете ёрничать на совещании, то вряд ли и до капитана дослужите, – строго сказал Спектор.

– Всё-всё! – Шахова подняла руки вверх. – Молчу, Александр Прохорович, простите ради бога.

– Смотри у меня, – Спектор погрозил Шаховой пальцем, – дошутись. Так, что у нас ещё, Костя? Кроме рассуждений...

– Больше пока ничего нет, Александр Прохорович, но там ещё очень много работы.

– Хорошо! Что у тебя Мария?

– Я составила таблицу телефонных звонков, проверяю СМС-ки, автоответчики и так далее. Но тоже пока ничего интересного не обнаружила. В основном служебные телефоны и соответствующие разговоры.

– СМС-ки тоже служебные? – ухмыльнулся Спектор.

– Представьте себе, да! И СМС-ки в основном служебные. Ну, типа «я на совещании» или «перезвони через полчаса». Несколько СМС-ок между Брызгаловым и его женой. Но там всякие «котики», «курочки», «рыбки», «кисули» и тому подобное.

– А почему он вчера утром телефон передал своему помощнику? – спросил Спектор.

– Это тоже обычное дело, – ответила Шахова. – Когда он инспектировал объект, всегда телефон передавал помощнику, чтобы тот пояснял звонящим, что, дескать, шеф сейчас занят и что не может подойти к аппарату. Но при этом у них нельзя пропускать звонок от мэра. Вы же помните, как президент до генерального прокурора не мог дозвониться. У мэра такие фокусы не проходят...

– В этом есть свой резон, – вздохнул Спектор и, вернувшись на своё место, спросил: – Что показывает водитель Брызгалова? Кто его опрашивал?

– Я, ответила Мария Шахова. – Ничего конкретного пояснить не смог. Единственное, что его удивило: шеф как-то странно вёл себя в машине, всё поговаривал: «Когда же, наконец, мы доедем?»

– Он так торопился?

– Причина банальна, Александр Прохорович. Водитель Порывай уже потом сообразил, что Фёдор Степанович просто хотел в туалет.

– А может быть, делал вид..., – предположил Спектор. – В туалет-то он сходил, а потом куда его черти понесли? Видимо, где-то неподалёку от стройки его всё-таки кто-то подждал.

– Я тоже так думаю, – согласилась Рюмина. – Скорее всего, он должен был с кем-то увидеться, буквально на минуту, а затем тут же возвратиться на объект...

– ... но возвратиться ему не дали, – продолжил Спектор.

– Или, как говорит Костя, сам не пожелал, – добавила Рюмина.

– В любом случае, исчезновение очень странное, точнее сказать, какое-то мистическое, – Спектор на мгновение задумался, затем громко произнёс: – Итак, товарищи офицеры, какие будут предложения – соображения?

Рюмина полистала свой блокнот и после кратковременной паузы сказала:

– Александр Прохорович, я предлагаю пока два-три дня поработать с родственниками, коллегами, друзьями. Пусть Костя более тщательно покопается в компьютерах. Маша проверит владельцев телефонов, по которым говорил Брызгалов. Всё равно где-то что-то всплывёт. Сейчас пока рано делать какие-то выводы. Плюс ко всему, возможно (во всяком случае, я на это надеюсь), кто-то сделает звонок жене или сыну Брызгалова.

– Возьмите их телефоны под контроль, не пропустите ни одного слова, – приказал Спектор. – Вообще-то, очень странно, что до сих пор ещё никто не позвонил и не выдвинул никаких требований.

– Меры уже приняты, – доложила Рюмина.

В этот момент зазвонил телефон.

– Да, – ответил Спектор, – это я. Так точно... Да, да... Всё понял, Олег Денисович. Да, все здесь. Просто ещё руки не дошли... Сейчас проверим. Обязательно... Да-да... Есть!

Александр Прохорович положил трубку и, пристально посмотрев на коллег, поцокал языком:

– М-да, товарищи, плохо работаем. Как же мы могли забыть об Агапове Максиме Петровиче?

– Точно! – воскликнула Рюмина. – Не может этого быть.

– А кто это? – почти хором спросили Шахова и Самохин.

– Это давняя история, – сказал Спектор. – Оксана, ты, по-моему, уже у нас работала?

– Да, – подтвердила Рюмина, – это было в самом начале моей службы.

– Проясни, – сказала Шахова.

– Да был такой товарищ, – начала Оксана Владимировна, – пытался вручить Брызгалову взятку, а тот взял и вызвал наряд...

– И что? – вздёрнул брови Самохин. – Его посадили? Ну, этого, кто пытался дать взятку.

– Подробности не помню, – пожала плечами Рюмина, – если мне память не изменяет, отделался он условным сроком, хотя несколько месяцев провёл в СИЗО.

– Как это связано с нашим происшествием? – спросила Шахова.

– Об этом рано говорить, – вступил в разговор Спектор, – нужно проверить. Дело в том, что этот самый Агапов, спустя некоторое время угрожал Брызгалову, хотя и это не совсем точно. Скажем так: кто-то подошёл к вице-мэру и сказал, чтобы тот ходил всю жизнь и оглядывался.

– А он его не узнал? Почему не точно? – удивилась Мария.

– Не узнал, ни по внешности, ни по голосу. Времени прошло достаточно много, – сказал Спектор. – Вот и выходит у нас ещё одна версия: месть.

– Вообще-то при такой должности, Александр Прохорович, – сказал Самохин, – версию мести нужно всегда иметь в виду. Поводов хватает: кому-то что-то запретил или отказал, не подписал документ, да мало ли чего.

– Вот, Костя мы тебе этого Агапова и поручим. Сначала пробей тихо, без видимого интереса, как бы невзначай. Если что-то почувствуешь, сообщи, приме меры к задержанию. Сам на рожон не лезь. Чёрт его знает, что там у него на уме.

– Всё понял, товарищ майор, – ответил Самохин.

– Вот и хорошо, – вздохнул Спектор, – давайте за работу.

6

Оксана Владимировна завела машину и ввела в навигатор адрес, по которому проживал водитель Брызгалова Семён Порывай. Спустя несколько секунд навигатор гнусавым и монотонным голосом произнёс: «Через 200 метров поверните направо...» Она отключила на приборе звук и, взглянув на часы, включила радио. «Что там в мире творится?», – мысленно задала вопрос.

Из динамиков донёсся знакомый голос диктора: «Эдвард Сноуден разработает чехол для смартфона, позволяющий заблокировать передачу GPS-сигнала, а значит, избежать слежки со стороны спецслужб...»

Рюмина улыбнулась. Радиоведущий продолжал: «Экс-сотрудник АНБ работает вместе с американским хакером Эндрю Хуаном, проживающим в Сингапуре, передает CNN. Сноуден отметил, что технология блокировки сигнала сможет помочь в работе журналистам и правозащитникам, но будет доступна также любому, кто захочет обезопасить себя от слежки».

«Ещё один изобретатель, – недовольно Буркнула Рюмина. – Это новшество, между прочим, может в будущем существенно осложнить нашу работу, – и, вспомнив о задании, Оксана Владимировна переключилась на другую тему, – как же могло случиться, что нет ни одного свидетеля? Среди бела дня, взрослый мужик, известная в городе личность, покинув свиту в тридцать человек, вдруг бесследно исчезает со стройки... И никто ничего не заметил. Как же это всё странно...»

«Чемпионат мира по лёгкой атлетике проходит в столице Великобритании Лондоне, – радиоведущий перешёл к спортивным новостям. – Девятнадцать российских легкоатлетов получили допуск на эти соревнования, но будут выступать под нейтральным флагом из-за отстранения Всероссийской федерации легкой атлетики...»

«Какие-то вечно творятся интриги вокруг России, – мысленно возмущалась Рюмина. – Почему так называемый цивилизованный мир так легко разбрасывается бездоказательными обвинениями? Ну, заподозрили вы спортсмена в употреблении запрещённых препаратов, проверили. Подтвердилось – отстраняйте, нет – извинитесь, и пусть дальше бьёт рекорды. Нет же, отстраняют всех спортсменов. Или не понимают, что такое для спортсмена участие, допустим, в чемпионате мира. Иногда спортсмен идёт к этому всю жизнь. А ещё рассуждают, что спорт, мол, вне политики. Лукавят ребята, спорт давно стал, впрочем, и был всегда политическим мероприятием. Правда, раньше, возможно, всё это как-то аккуратно скрывалось за лицемерной ширмой дружбы народов. Сейчас же словно с цепи сорвались – мир погряз во лжи и непомерных фантазиях...»

«Вы приехали», – объявил навигатор. Рюмина поднялась на этаж к квартире Порывай и нажала кнопку дверного звонка.

К сожалению, в тот вечер водителя не оказалось дома. Жена только пожала плечами: «Вы же знаете, какая у него работа – он сам себе не принадлежит. Мне тоже ничего не рассказывает. Сказал только, что будет сегодня поздно...»

Мобильник Семёна Абрамовича был недоступен.

Рюмина покинула квартиру расстроенной. Но, пройдя немного по улице, улыбнулась и произнесла: «Festina lente!» (лат.), а мысленно добавила:

– Русский человек перевёл бы с латыни не как «спеши медленно», а, скорее, «тише едешь, дальше будешь».

7

Самохину повезло больше – он без труда разыскал Агапова. Как оказалось, он ни от кого и не думал прятаться. После давнего случая с Брызгаловым он сменил три места регистрации и, в конце концов, вовсе остался без неё. Проживал на даче, доставшейся ему после раздела имущества с бывшей женой. Константин оставил машину на краю дачного посёлка и направился в сторону дома Агапова. Тот мирно возился в огороде, косил траву и что-то напевал, рядом сидела огромная собака породы Алабай. На подошедшего к калитке Самохина Максим Петрович даже не обратил внимания. Тогда Костя решил сам окликнуть Агапова:

– Хозяин, – крикнул он, – водички не найдётся?

Агапов упёр нос в землю, посмотрел на непрошеного гостя и дружелюбно ответил:

– Найдётся-найдётся! – затем добавил: – Кого ищем? Уж не меня ли?

– А что, вас кто-то должен искать? – пошутил Самохин.

– Должны-должны! – уныло улыбнулся Агапов. – Ты не из ментов? – огорошил он вопросом Самохина.

Отрицание выглядело бы фальшиво, а потому Костя решил действовать прямо.

– Ну, в общем-то, вы угадали, – ответил он и спросил: – А вы, я так понимаю, товарищ Агапов?

– Ну, не знаю, – рассмеялся дачник, – товарищ или гражданин, но Агапов это точно. Чего хотел? – улыбка слетела с лица Агапова. – Брызгалова ищешь? Так у меня его нет.

– Да я знаю, что у вас его нет, – Костя решил блефануть, – но хотелось бы с вами поговорить.

– Ну, говори! – предложил хозяин. – Знаю я ваши разговоры, обычно они состоят из вопросов и ответов. С вами о погоде и ромашках не поговоришь.

– Говорить прямо так, через забор? – улыбнувшись, спросил Самохин.

– А ты как хотел? – вопросом на вопрос ехидно ответил Агапов и добавил: – Воды уже перехотелось?

– Максим Петрович, – добродушно произнёс Самохин, – я к вам с миром, вы же видите, один, без всяких претензий, честное слово, просто поговорить, уточнить кое-какие детали.

– Ну, раз «просто», то заходи, уточняй, – улыбнулся Агапов.

– А как она, не против? – Константин кивнул на собаку.

– Она нам не помешает, – усмехнулся хозяин. – Добрейшее животное. Но, если начнёшь махать руками, откусит по локоть. Имей в виду.

Через несколько минут Самохин и Агапов, познакомившись, сидели на веранде. Алабай вёл себя спокойно, но глаз с незнакомца не сводил. Максим Петрович подвинул ближе к гостю корзину с яблоками:

– Угощайтесь, гражданин начальник. Сам вырастил. Вот такусенькое деревце, в смысле, саженец, когда-то покупал. Пробуй-пробуй, удивительный сорт. И сладкие, и хрустящие, мёд, а не яблоки.

– Спасибо, – закивал Самохин.

– Куда там вляпался этот прохиндей? – неожиданно сменил разговор Агапов.

– Вы имеете в виду Брызгалова? – вздёрнул брови Костя.

– Его! – ухмыльнулся дачник. – Кого же ещё? По телевизору только о нём и говорят. Я знал, что вы рано или поздно ко мне придёте. Я же на суде сказал ему, что никогда не забуду и не прощу ему подлости и коварства.

– Так забыли или нет? – спросил Самохин.

– Давно уже! Точнее, не забыл, разве такое забудешь, простил сволоту. Во всяком случае, мстить не собираюсь. Я тогда сгоряча наговорил много глупостей. Подпортил он мне и карьеру, и личную жизнь, одним словом... А, – Максим Петрович махнул рукой, – чего теперь вспоминать? Отчасти я и сам был виноват. Попёрся взятку давать.

– А зачем? – спросил Самохин. – Вы же понимали что это преступление?

– Честно? – ухмыльнулся Агапов. – В тот момент не понимал. Нет, конечно, я знал, что это преступление, но просто не думал об этом.

– Так вот и я о том же, – развёл руками Константин, – если знали, зачем было рисковать?

– Ты понимаешь... э...

– Костя меня зовут, – напомнил Самохин.

– Ага! Так вот, Костя, ты наверняка знаешь, как они себя ведут эти наши чиновники. Вроде прямо тебе и не говорят, мол, неси баблос, но между слов это так пронзительно звучит, что аж ухо режет. Ну, я, дурак, и отоварился.

– То есть Брызгалов вам намекал на взятку, а потом сдал в полицию? – предположил Самохин.

– Не стану брать грех на душу, – опустил голову Агапов, – скорей всего я сам себе это внушил. Да мне и в голову не могло прийти, что чиновник может отказаться от денег и вызовет ментов. Но случилось то, что случилось. Так что там произошло? Кто его нарезал?

– Скажите, Максим Петрович, а вы ему не угрожали? Ну, потом, спустя какое-то время после приговора, – спросил Самохин.

– Никогда! – замотал головой Агапов. – Говорю же: я его простил. Кроме того, даже пришёл к выводу, возможно, он и правильно поступил. Посмотришь сегодня на этих коррупционеров, совсем обнаглели, рвут на части страну. Противно жить. Вроде работает там каким-то клерком, глядь – уже дворец отгрохал. И ходит с наглой рожей. Потом сморишь – хлоп, на «Порше» приехал. Ну, откуда у тебя деньги, сволочь? Ты же на честно заработанные деньги никогда себе ни такой дом, ни такой автомобиль не купишь. Где справедливость? Хотя ваши тоже не лучше. Дожили – мешками деньги хранят в квартире. Сколько там у вашего полковника полиции отщмонали капусты? Министров стали сажать, губернаторов, мэров... Да ладно чиновники, так ведь посмотри, работники культуры стали красть безбожно. Ну, куда мы катимся, скажи?

– Не все это, к сожалению, понимают, – вздохнув, уклончиво ответил гость.

Самохин понял, что Агапов ни сном ни духом не причастен к похищению Брызгалова и собрался уходить.

– И это весь разговор? – удивился дачник. – Что-то вы как-то совсем не по-ментовски поговорили. А где протокол? Или вы так, для галочки приходили, ну, типа отчитаться перед начальством?

– Нет, не для галочки, – рассмеялся Константин, – просто вижу, что вы в этой истории посторонний человек. Ну, что я вам буду мешать?! Извините, что потревожил, Максим Петрович.

– Да ладно, – махнул рукой Агапов, – слушай, может, чайку?

– Нет, спасибо, – сказал Самохин, – очень много работы.

– Ну, смотри, – Агапов встал из-за стола и ехидно произнёс: – найдёте Фёдора Степановича, передавайте ему привет. Скажите, я переживал за него. Хотя вряд ли он поверит.

Мужчины пожали друг другу руки и расстались. Пёс проводил хозяина и гостя до калитки, а когда полицейский вышел наружу и направился к машине, долго смотрел тому вслед грустными глазами.

Из машины Самохин позвонил Спектору и доложил:

– Товарищ майор, Агапов никаким боком не причастен к похищению Брызгалова.

– Уверен? – спросил Спектор.

– На сто процентов, – выпалил Костя.

– Ох, молодёжь, – воскликнул майор, – когда же я вас научу не давать ни при каких обстоятельствах ста процентов. Ну, скажи девяносто девять процентов. На всякий случай, чтобы потом не пришлось краснеть за излишнюю самоуверенность.

– Извините, Александр Прохорович, учту на будущее. Уверен на девяносто девять процентов, что Агапов не причастен к похищению Брызгалова.

– Ну, вот это другой разговор, – раздался в трубке довольный голос Спектора. – Ты не представляешь, какие иногда бывают совпадения... И несовпадения тоже.

8

Самохин с детства мечтал работать в милиции. Ещё в детском садике, влюбившись в девочку, говорил ей:

– Вырасту, пойду работать в милицию, приду и заберу тебя к себе.

Девчонка смеялась и дразнила юного ухажёра Дядей Стёпой, им как раз в это время воспитательница которой день подряд читала перед тихим часом знаменитое стихотворение Сергея Михалкова.

Константина воспитывала бабушка. Она не рассказывала, а мальчик сам не расспрашивал о том, куда подевались его родители. Костя рос беспокойным ребёнком, редкий день обходился без приключений: то подерётся с кем-то, то стекло разобьёт, то... Одним словом,

как его называли соседи, безотцовщина. И всё же бабушке удалось найти один, но самый главный аргумент для сдерживания неумемной подростковой энергии внука.

– Сам мечтаешь работать в милиции, а ведёшь себя как отъявленный хулиган, – говорила она. – Вот вырастешь, придёшь в милицию, а там посмотрят в документы (у них ведь всё есть и про всех) и скажут: «Нет, брат, нам такие не нужны! И всё – плакала твоя милиция. Иди на завод баланы катать». Что такое баланы, Константин узнал только после того как, будучи уже взрослым, побывал в командировке в Сибири. К его удивлению, это оказались большие брёвна. Но к тому времени бабушки уже не стало.

В школе подросток заболел детективами и всякими расследованиями, он грезил о раскрытии запутанных преступлений, изучал различные справочники, пособия, даже пробовал сам писать детективы.

К окончанию школы, парень, что говорится, взялся за ум. Допоздна сидел за учебниками, учителя не могли нарадоваться, прочили своему ученику отличное будущее. И Константин не подвёл своих наставников, поступил в школу милиции с первой попытки. Парень часто вспоминал ту девочку из детского сада, но пути их разошлись, и они так ни разу не встретились.

Женился Самохин на своей однокласснице. Что интересно, вплоть до последнего года обучения в школе ни он, ни она не обращали друг на друга внимания. Просто были одноклассниками. И вдруг в одиннадцатом классе между молодыми людьми вспыхнула искорка, Лена при разговоре с Костей стала опускать глаза, тот почувствовал, как у него учащается дыхание. Однажды парень пригласил девушку в кино, по выходу из кинотеатра ни он, ни она не могли вспомнить, о чём кино. Друзья и подруги сделали умозаключение:

– Всё с вами ясно, киношники!

Друзьям и подругам всегда сразу всё ясно, а замуж Костя позвал Лену спустя три года. Недавно у них родился ребёнок, мальчик, назвали в честь отца жены (по её просьбе). Константин чувствовал, что их любовь крепнет с каждым годом. И улыбался, как друзья отговаривали его жениться, дескать, быстро всё надоест, погулять ещё нужно, и всё такое.

Лену невозможно было не любить, это женщина из другого мира – ласковая, заботливая и невероятно добрая.

По дороге на службу Костя вспомнил примечательный случай из семейной жизни. Лена была беременной и как-то вечером изъявила желание поужинать рыбой-гриль. Вот, хочу, говорит, прямо ком в горле образовался. Ну, что делать, рыба так рыба – разве можно отказать беременной женщине? Неподдалёку от их дачи находится посёлок Рыбхоз, поехали, купили живую форель, привезли домой, а она всё ещё живая, зевает и скачет в пакете. Елена запустила её в ванную, мол, пусть поплавает. Даже имя ей придумала – Тереза. Муж оставил жену разделывать рыбу, а сам пошёл разжигать мангал, пока возился с дровами, углём, пропустил бутылку пива. Возвращается, а Ленка сидит и плачет:

– Костя, жалко рыбку! – говорит, всхлипывая. – Ну, вот рука не поднимается лишить её жизни. Давай отпустим её в озеро, пусть живёт.

– Далековато пешком идти, – говорит Константин, – а за руль мне уже нельзя, выпил пива.

– Ничего страшного, – отвечает Лена, – пойдём, прогуляемся.

– А как же рыба-гриль? – недоумённо спросил муж.

– Перехотелось, – решительно ответила жена. – Лучше я останусь голодной, но пусть рыбка живёт.

К тому времени уже стемнело. Супружеская пара с ведром и фонариком отправилась на Бисерово озеро, амнистировать форель.

«Любопытно, как ты там поживаешь, наша Тереза?» – мысленно усмехнулся Костя.

После этой истории Константин ещё больше полюбил свою жену. Добросердечность, как известно, изобразить и выдумать невозможно, это врождённое качество, оно находится глубоко в душе и сердце человека, кроме того, это качество оберегает и себя, и окружающих. Самохин заметил, когда жена рядом, все отрицательные эмоции, ежели таковые присутствовали, гаснут, тревожные мысли улечиваются, и остаётся тепло и благоденствие.

9

С водителем Брызгалова Оксана Владимировна Рюмина встретила на следующий день рано утром. Несмотря на то, что тому едва исполнилось тридцать пять лет, выглядел он намного старше. Морщинистое лицо, обвисшие щёки, припухшие глаза красноречиво говорили о том, что мужчина злоупотребляет алкоголем. «Как же он работает водителем? – подумала Рюмина. – Или пользуется тем, что сотрудники ГИБДД не останавливают машину вице-мэра? Странно...»

– Семён Абрамович, – пристально посмотрев на собеседника, приступила к опросу Оксана Владимировна. – Расскажите, пожалуйста, подробно, что называется, в деталях, о позавчерашнем утре. Буду вам признательна, если вы вспомните всё поминутно...

– Так я же уже рассказывал, – выпятил нижнюю губу Порывай. – Добавить больше нечего... Я...

– Мне вы пока ничего не рассказывали, – перебила Рюмина.

– Так спросите у своих коллег, – несколько высокомерно произнёс водитель и вынул из кармана пачку сигарет. Ему не сразу удалось вытащить сигарету – пальцы рук слегка дрожали.

– Семён Абрамович, – строго сказала Рюмина, – давайте договоримся: я задаю вопросы, вы отвечаете...

– Да нет проблем, спрашивайте, только я не пойму, меня теперь что, каждый день будут допрашивать?

– Ну, во-первых, я вас не допрашиваю, мы просто беседуем, а во-вторых, если понадобится, то будем допрашивать и по три раза на день.

– Хорошо-хорошо, – стушевался Порывай.

– Вот и договорились, – Оксана Владимировна вынула из сумки смартфон и, включив в устройстве диктофон, демонстративно положила прибор перед собеседником. – Итак, Семён Абрамович, назовите точное время, в котором часу вы отъехали от дома Брызгалова?

– Как обычно, – Порывай снова выпятил губу, – Фёдор Степанович вышел из подъезда ровно в 07:59...

– Именно в пятьдесят девять минут? – удивилась Рюмина. – Чем вы объясните такую точность?

– Ну, это легко объясняется, – Порывай закурил и жадно затянулся. – Дело в том, что шеф, садясь в машину, всегда слушает новости, потому никогда и не опаздывает, садится за минуту до начала выпуска.

– Ясно, – кивнула Рюмина. – Продолжайте. Куда вы поехали?

– На работу, – развёл руками Порывай. – Куда же ещё?

– Останавливались ли где-нибудь по пути?

– Нет, – покачал головой собеседник.

– Никто в машину к вам не подсаживался?

– Нет...

– Во сколько вы прибыли к зданию мэрии?

– Через пятнадцать минут.

– Были пробки? – прищурившись, спросила сыщик.

– Нет, в это время в центре пробок ещё не бывает.

– Тогда мне, Семён Абрамович, не понятно, почему вы ехали от дома к месту работы пятнадцать минут? Ведь Брызгалов живёт в десяти минутах ходьбы от мэрии. Что вы на это скажете?

– Ай, точно, – Порывай хлопнул ладонью себя по лбу. – Извините, я совсем забыл... Точно, как же я так... Вот чёрт...

– Что вы забыли? – вздёрнула брови Рюмина.

– Честное слово, я забыл. Я не нарочно... У Фёдора Степановича закончились сигареты, мы останавливались у магазина, что на Большой Никитской улице. Он открывается в восемь утра...

– Вот видите, – Рюмина укоризненно покачала головой. – А говорите, рассказывали уже коллегам. Однако при первом опросе вы не упомянули о том, что останавливались у магазина...

– Прошу прощения, Оксана Владимировна, ради бога, простите, я просто запамятовал, извините... Да и в принципе, разве это имеет какое-то значение? Ну, вышел человек, купил сигареты...

– Для нас, Семён Абрамович, – перебила Рюмина, – любая мелочь имеет значение. Как я понимаю, вы не сами покупали ему сигареты?

– Нет... В смысле, я часто это делал, когда была необходимость, но в тот день, Фёдор Степанович сам пошёл в магазин.

– Почему?

– Не знаю, – замотал головой Порывай.

– Он часто сам ходил в магазин?

– Не часто, но иногда ходил сам.

– А чем это было вызвано? Как вы можете объяснить?

– Не знаю, может, я и заблуждаюсь, но, как я думаю, это обычно происходило тогда, когда у шефа... то есть у Фёдора Степановича было плохое настроение.

– Значит, в то утро Брызгалов был чем-то расстроен? – Уточнила Рюмина. – Правильно я вас понимаю?

– Можно и так сказать, – подтвердил Порывай. – Но это лишь мои предположения. Я не могу точно...

– А вы не заметили, он ни с кем не встречался? – перебила Рюмина. – К нему никто не подходил?

– Нет-нет, ни с кем! Просто зашёл в магазин, купил сигареты и вернулся в машину.

– Сколько минут он пробыл в магазине?

– От силы минут пять-шесть...

– Дальше, Семён Абрамович. Что было дальше?

– Он закурил уже в машине, ехали молча. Возле мэрии вышел и отправился к себе в кабинет. Вернулся в машину в 09:20 и мы поехали на объект. За нами ехали ещё две машины с сотрудниками мэрии. В 09:45 прибыли на стройку.

– Кто ещё с вами ехал в автомобиле?

– Никто... Мы вдвоём.

– А его помощник, Иван Захарович Бурцев?

– Нет, он ехал в другой машине.

– Можете вспомнить, с кем и о чём говорил по телефону Фёдор Степанович? – спросила Рюмина.

Порывай почесал затылок и задумался.

– Вы знаете, Оксана Владимировна, – ответил спустя полминуты мужчина, – с кем он говорил, я не могу знать, поскольку имён и фамилий он не называл, а вот о чём... – Порывай

вай снова задумался. Оксана Владимировна терпеливо ждала. – ... тема была какой-то странной, – продолжил Порывай.

– В чём эта странность заключалась, – оживилась Рогожкина.

– Понимаете, я никогда не слышал, чтобы Фёдор Степанович говорил о картинах каких-то, об искусстве... А в этот раз он спрашивал у кого-то сколько стоит картина...

– Название не помните?

– Нет, не помню, вернее, он не произносил название, но спрашивал: не подделка ли? И просил своего собеседника тщательно проверить, что-то вроде, «смотри, чтобы не влипли с этой картиной...»

– Что ещё вы слышали?

– Так, отрывки, он же сидит всегда на заднем сиденье. Но точно помню, как он кому-то сказал: «Подсунешь подделку, три шкуры спущу...»

– А суммы какие-то звучали?

– Конкретная сумма не называлась, но Фёдор Сепанович просил поторговаться и сбросить «сотку».

– Сотку чего? – удивилась Рюмина.

– Честное слово, Оксана Владимировна, – Порывай ударил себя в грудь кулаком, – я не знаю.

– А почему вы при первом собеседовании ничего об этом не говорили? – нахмурившись, спросила Рюмина.

– Поймите меня правильно, Оксана Владимировна, – Порывай тщательно раздавил окурок о дно пепельницы, – я же всё-таки водитель-персональщик. Мало ли чего услышал, увидел... В общем, откуда я знал, что Фёдор Степанович пропадёт так надолго. А вдруг бы вечером появился, а я тут всю подноготную разболтал... Некрасиво ведь...

– Значит, вы были уверены, что Брызгалов вернётся? – спросила Рюмина.

– Да я и сейчас в этом уверен, – заморгал Порывай.

– Почему? Он что, раньше уже исчезал? – Сыщик пристально посмотрела на водителя.

– Нет, это впервые произошло... Но...

– Продолжайте, продолжайте, Семён Абрамович, не останавливайтесь, – предложила Рюмина.

– В общем, как-то с месяц назад Фёдор Степанович немного подвыпил на какой-то там презентации и, возвращаясь поздно вечером домой, сказал мне: «Эх, Сёма, махнуть бы куда-нибудь на Багамы, чтобы недельки две-три никого не видеть и не слышать...»

– Что ещё он говорил в тот вечер?

– Да так, в общем-то, ничего. Говорил, что устал от всего, дескать, хочется отдохнуть...

Он быстро уснул, я разбудил его уже у самого подъезда.

– А потом, в другие дни, он не затрагивал больше эту тему?

– Нет, это было единственный раз. Вообще, в машине он молчун. Редко со мной говорил. В основном отдавал распоряжения.

– Так, – Рюмина встала из-за стола и выключила диктофон, – спасибо, Семён Абрамович, но нам, видимо, всё-таки придётся с вами встречаться ещё не раз. Так что смиритесь с этим.

– Да я уже понял, – ухмыльнулся Порывай. – Что теперь поделаешь, надо, так надо...

Семён Абрамович Порывай работал у Брызгалова без малого десять лет. Для персонального водителя – это немалый срок. Обычно за это время человек подобной профессии волей-неволей узнаёт о своём начальнике всю подноготную. Раньше этим небезуспешно

пользовались сотрудники НКВД, с пристрастием допрашивая персональных водителей руководителей разного уровня. Впрочем, некоторые водители и без допроса докладывали о каждом шаге своего шефа. Речь о тех, кого нарочно внедряли в ближайшее окружение подозреваемого.

Сегодня времена изменились, многие методы получения информации устарели и стали абсолютно неприемлемыми, однако и без грубости, и без костоломства грамотный сотрудник уголовного розыска добудет всё, что поможет в раскрытии преступления или какого-то происшествия. Во время беседы, опроса, допроса, очной ставки опытный сыщик внимательно наблюдает за жестами собеседника, его мимикой, интонацией и тут же выстраивает в голове поведенческие формулы подозреваемого или свидетеля. Если человек говорит неправду, как бы он ни старался, скрыть волнение за безмятежной улыбкой, разными шутками, удивлением, всё равно ложь каким-то образом проявится в так называемой «плохой игре актёра». Это может быть полнейшее несоответствие, допустим, жеста и мимики, интонации и громкости произнесённого ответа, ни к месту улыбочек, вздохов и тому подобное. Лицо, шею, подбородок, ухо, макушку неискренние собеседники научились во время беседы не трогать руками. Сегодня чуть ли и не в каждом современном детективе имеется очень распространённый штамп, объясняющий все эти потирания, почёсывания, поглаживания, как жесты «лжеца». В большинстве случаев это действительно так, но нельзя только на этих жестах строить версии, поскольку жесты могут быть следствием привычки или каких-то комплексов, не имеющих никакого отношения к неправде.

К сожалению, новички сыскного дела часто подходят к этим рекомендациям психологов чисто формально. Ага, допрашиваемый во время допроса схватился за ухо, почесал затылок, смахнул со лба воображаемую каплю пота – всё: пиши пропало! Перед тобой сидит неисправимый лгун. Это приводит часто к заблуждению и неверным, скоропалительным выводам. А между тем, только совокупность действий, пропущенных через призму проявленных при этом эмоций, могут прояснить ситуацию.

Пообщавшись с водителем Брызгалова, Рюмина сделала первоначальный вывод: Порывай Семён Абрамович, несмотря на весь арсенал «нехороших» жестов, всё же старался быть честным и откровенным. Кроме того, он был бы и рад поделиться информацией с полицейскими, да, видимо, Брызгалов умел вести свои дела так, чтобы водитель до конца не понимал, что происходит вокруг шефа.

Некоторые начальники нарочно подпускают тумана с целью завуалировать то или иное действие. И если в таких случаях дело доходит до расспросов (или допросов), до выяснения истины через мелкие подробности, то возникает ситуация, когда тот самый туман путает вес карты и истина становится недостижимой. Это как раз тот случай, когда народная мудрость описывает подобную ситуацию одной фразой «В мутной воде легче ловить рыбу». А потому претензий к Семёну Абрамовичу у Рюминой не было. Тут скорее большую значимость играл опыт самого Брызгалова, который умел не только напустить тумана, но и взбаламутить воду на месте своей чиновничьей рыбалки.

11

От Порывая Оксана Владимировна направилась в магазин, где ещё совсем недавно Фёдор Степанович Брызгалов покупал сигареты.

Продавщица Катя, полная, розовощёкая женщина лет сорока, сразу узнала по фотографии покупателя.

– Вы знакомы с этим человеком, – протягивая снимок, спросила Рюмина.

– Ну, как знакома, – криво улыбнулась женщина, – представляться не представлялся, но иногда заходил к нам в магазин, да и по телевизору мы его часто видим. По-моему, это заместитель мэра?

– Да, – кивнула Рюмина и спросила: – Что он у вас покупал в четверг утром

– Ой, дай бог памяти. Разве всё упомнишь? – хмыкнула Катя.

– Подумайте хорошенько, я вас не тороплю, – сказала Рюмина.

– Когда вы говорите? В четверг? – уточнила продавщица. – Позавчера утром?

– Да-да, в четверг, – кивнула Рогожкина.

– Так-так-так... по-моему, по-моему... Ой, не помню... Погодите, я сейчас свою напарницу позову, она помоложе, у неё память хорошая.

Женщина нырнула в подсобное помещение и через полминуты вышла вместе с молодой девушкой.

– Вот, Ирин, посмотри на фотку, ты не помнишь, что у нас покупал этот товарищ?

– Сигареты, – сразу ответила девушка.

– Больше ничего? – спросила Рюмина.

– Нет, только сигареты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.